

Проф. А. ЕГОЛИН

ВЕЛИКИЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Впервые за всю свою столетнюю историю творчество величайшего русского поэта Александра Сергеевича Пушкина обрело всенародную славу. Могучая страна победившего социализма чтит А. С. Пушкина как создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы.

Только в сталинскую эпоху небывалого подъема материального и культурного уровня советского общества возможно такое счастливое и глубоко радостное явление, как превращение юбилея поэта во всенародное событие. Пушкинские дни стали фактом исключительного культурного значения. Одновременно с грандиозными мероприятиями советского правительства по увековечению памяти гениального поэта ведется широчайшая популяризация его художественного творчества в колхозах, в избах-читальнях, на заводах, в школах, охватывающая отдаленнейшие уголки нашей необъятной родины. Пушкин стал «любезен» всем народам многонационального Советского Союза.

С каким чувством восторга мы сегодня можем отметить, что сбылись уже и воплотились в жизнь вещи слова Ленина об отношении народа к своим писателям (сказанные в связи со смертью Л. Толстого): «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот» (В. И. Ленин, Соч., 3 изд., т. XIV, стр. 400).

Скорбная дата трагической смерти великого русского поэта А. С. Пушкина навсегда останется в памяти человечества как позорное клеймо дворянско-крепостнического строя. Любимейший и никем не превзойденный народный певец, «поэт в поэтах первый», был убит на дуэли, — как писал А. И. Герцен, — «одним из тех иностранных драчунов-забияк, которые, как средневековые наемники или швейцарцы наших дней, отдают свою шпагу за деньги к услугам всякого деспотизма. Он пал в полном расцвете сил, не окончив своих песен, не досказав того, что имел сказать» (А. И. Герцен, т. VI, под ред. Лемке, стр. 358).

Затравленный великосветской придворной чернью и убитый на дуэли агентом дворянской реакции, А. С. Пушкин, перешагнув столетие, продолжает жить в социалистическом обществе, в сердцах миллионов освобожденного советского народа.

Многонациональный Советский Союз хранит творения Пушкина как величайшее достижение русского народа, как классическое наследство своего гениального певца. Массовый характер изучения поэзии Пушкина в СССР оказывает благотворное влияние и на научно-исследовательскую работу советских литературоведов. Социальная слепота некоторых ученых, сохранивших узко цеховой подход исследователей дореволюционного пушкиноведения, встречает решительный отпор нашей печати, выражающей голос миллионов советских читателей.

Успешному освоению лучших достижений литературы прошлого, пониманию принципов творческой практики наших русских писателей мешал вульгарный социологизм. Упрощенное понимание литературных явлений вело к приписанию художественного наследства. Знаменитый писатель пролетариата М. Горький метко сказал по поводу подобных «проработок» классиков литературы: «Посмотрите, как долго мы помним, что Пушкин писал лестные стихи Николаю I, Некрасов играл в карты, Лесков — автор романа «На ножах» и т. д. Это — злая память маленьких людей, которым приятно отметить проступок или недостаток большого человека, чтобы тем принизить его до себя» («Литерат. газета», 1936, № 38).

Значение русской литературы многократно отмечали вожди мирового пролетариата. Ф. Энгельс указывал на «превосходные романы» русских писателей. В. И. Ленин, говоря о национальных задачах русской социал-демократии и роли передовой теории, замечает: «А чтобы

хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...» (В. И. Ленин, Соч., 3 изд., т. IV, стр. 381).

Лишь с точки зрения марксизма-ленинизма можно понять могучую силу и величие русской литературы. С этой точки зрения только и раскрывается вся глубина творчества А. С. Пушкина.

Великая страна победившего социализма нашла в наследстве гениального поэта близкие революционному духу советского народа лучшие национальные черты. Пушкин, обогативший человечество дивными художественными творениями, бесконечно дорог нам, занятым гигантской работой по созданию культуры и литературы социалистического общества.

Пушкин писал: «Только революционная голова, подобная М. Орлову и Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке».

Пушкина мы называем создателем русского литературного языка, ибо он первый из крупных поэтов обратился к языку народа и понял, что художественная литература — национальное дело. Пушкин явился в глазах народа гениальным поэтом, воспевшим в пленительных стихах жизнь страны, изобразившим типичные характеры и показавшим неисчерпаемые богатства русского языка.

По справедливому определению М. Горького, «Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая — в угоду государственной идее «народности» — лицемерным тенденциям придворных поэтов — он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу» («Литературная учеба», 1936 г., № 8, стр. 21).

Пушкина мы считаем родоначальником новой русской литературы. Его творчество обогатило нашу культуру произведениями исключительной художественной силы, отобразило мысли и чувства передовых людей своей эпохи.

В период крепостничества Пушкин отстаивал свободу личности. Поэт был великим гуманистом в самом лучшем смысле этого слова, так как его творчество преисполне-

но — по замечательному определению В. Г. Белинского — «бесконечным уважением к человеку, как к человеку».

Пушкин — вдохновенный певец революционных идей декабризма, призывавший к борьбе:

Тираны мира! Трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

В России, представлявшей тюрьму народов, в мрачную пору николаевской реакции Пушкин мечтал о братстве народов. В стихотворении 1834 г., вспоминая о своей прошлой близости с великим польским поэтом Мицкевичем, Пушкин пишет:

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами,
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта.

С теплотой и искренностью Пушкин изображал жизнь цыган, их быт и нравы. В «Капитанской дочке» поэт рисует с большим вниманием черты характера уральского казачества и башкир. Пушкин одним из первых в литературе отметил поэтические особенности народа Грузии, храбрость и одаренность грузин. Русский поэт сознавал себя певцом многонациональной страны и с изумительной проницательностью предсказывал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Эти желания поэта осуществились полностью только теперь, в эпоху Великой пролетарской революции.

Роль Пушкина как родоначальника новой русской литературы отчетливее выступает при сопоставлении его творчества с литературой, ему предшествовавшей. Определяя историческое место Пушкина, Белинский попутно

характеризовал других выдающихся поэтов. Державин, по словам гениального критика, дал лишь «намеки на поэзию», только «проблески ее»; Жуковский указал источники европейской поэзии; Батюшков внес «элемент чисто художественный»... «Муза Пушкина приняла... в себя» «творения предшествовавших поэтов» и «возвратила их миру в новом, преображенном виде».

Замечательную характеристику Пушкина, выражающую конкретно-исторические черты его творчества, еще при жизни поэта дал Н. В. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» («Арабески»): «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

* * *

С лицейских лет Пушкин усваивает идеи политической свободы. «...Кипит в груди свобода; во мне не дремлет дух великого народа» (стихотворение «К Лицинию», 1815 г.). «Пушкин дебютировал революционными стихами большой красоты», заметил А. И. Герцен (цит. соч., т. VI, стр. 357).

Ода «Вольность», «Деревня», многочисленные стихотворения и эпиграммы послелицейского периода красноречиво говорят об идеалах Пушкина как передового человека своего века. Творчество Пушкина органически связано с развитием революционных идей, подготовивших декабрьское восстание 1825 г., оно отразило влияние буржуазной французской революции, освободительных национальных движений в Европе. Доминирующим мотивом произведений молодого Пушкина является воспевание политической свободы.

Романтические поэмы Пушкина проникнуты идеями личной независимости и противопоставления свободной жизни — жизни светской, скованной условностями дворянского общества:

В сердцах друзей нашед измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.

(«Кавказский пленник», 1820—1821 г.)

В поэме нарисован образ социально одинокого человека, устремленного к природе, рвущегося из «неволи душных городов». О характере пленника Пушкин писал: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века».

В романтизме Пушкин искал новую форму, разрушая условность классицизма. Пушкина подкупала в романтической поэтике простота и свобода в обращении с материалом. К субъективно-идеалистическому мировоззрению романтиков поэт оставался равнодушен. О «Братьях-разбойниках» Пушкин писал летом 1823 г. Бестужеву: «...разбойников я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц «Полярной Звезды», то напечатай его».

Одновременно с влиянием байроновской поэзии легко заметить в этой поэме приемы народного творчества. О форме поэмы Пушкин был высокого мнения. «Как слог — я ничего лучше не написал», — заявлял поэт Вяземскому.

Уже в годы южной ссылки Пушкин начинает преодолевать байронизм:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель,
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт, —
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом?

(«Евгений Онегин», гл. II, строфа 56)

Работая над «Борисом Годуновым», Пушкин ставит реалистическую задачу: «воскресить один из минувших веков во всей его истине». Поэт действительно «воскресил» в богатых образах продажность, тщеславие, интриганство царедворцев, показал кризис власти, роль народа в политической борьбе конца XVI в. Пушкин дал широкое изображение характеров. «Я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира», — говорил Пушкин о принципах построения своей драмы. Пушкин подчеркивал особенности явно реалистического подхода в обрисовке типов «Бориса Годунова»: «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях».

Роман «Евгений Онегин» — произведение, знаменующее расцвет пушкинского реализма. По определению В. Г. Белинского, «Евгений Онегин» — «энциклопедия русской жизни». И действительно, анализ основных образов романа, картин жизни помещного и светского дворянства, художественных особенностей этого произведения — полностью подтверждает меткое определение гениального критика. Пушкин в «Онегине» дал поэтическое отражение целой исторической полосы русской жизни прошлого века.

М. Горький писал: «Онегин как тип только что сложился в 20-х годах, но поэт тотчас же усмотрел эту психику, изучил ее, понял и написал первый русский реалистический роман, — роман, который, помимо неувыдаемой его красоты, имеет для нас цену исторического документа, более точно и правдиво рисующего эпоху, чем до сего дня воспроизводят десятки толстых книг» («Литературная учеба», 1936 г., № 8, стр. 11).

Мы знаем, что Маркс и Энгельс до такой степени интересовались романом Пушкина, что составляли построчные словари к «Онегину» и читали это произведение в подлиннике.

Пушкин работал над романом в период наибольшей художественной зрелости. И в отношении формы поэт достиг исключительной высоты: роман в стихах, написанный особой «онегинской строфой», близкой к сонету, очаровывает читателя легкостью и простотой стиха.

Белинский о романе писал: «Онегин» есть самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии, и можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такой полнотой, светло и ясно, как отразилась в «Онегине» личность Пуш-

кина. Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы. Оценить такое произведение — значит оценить самого поэта во всем объеме его творческой деятельности. Не говоря уже об эстетическом достоинстве «Онегина», эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое общественное значение» (Белинский, Полн. собр. соч., т. III, стр. 572).

Роман «Евгений Онегин» писался с 1823 по 1831 г. В 1825 г. движение декабристов после неудавшегося восстания было жестоко подавлено. «Первые годы, следовавшие за 1825-м, были ужасающие. Только лет через десять общество могло очнуться в атмосфере порабощения и преследований. Им овладела глубокая безнадежность, общий упадок сил. Высшее же общество с подлым и низким рвением поспешило отречься от всех гуманных чувств, от всех цивилизованных мыслей» (А. И. Герцен, цит. соч., т. VI, стр. 364).

Добролюбов отмечал, что пушкинская «лирика полна грусти» (Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. I, стр. 115). Наибольшей силы эта грусть достигает в романе «Евгений Онегин». Пушкин изображает разбитую жизнь «бедной Тани», преисполненную «немых ее страданий», гибель Ленского, «одиночество жестокое» Онегина. В последних главах романа «Евгений Онегин» чувствуется сожаление автора о разбитых надеждах, горечь утраты. Какой тоской веет от последней, заключительной строфы романа:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милой идеал...
О, много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

Тон глубокой обреченности, ноты элегизма, безысходности чувствуются в последней строфе романа, ибо для Пушкина вместе с крахом декабризма терпели крушение дорогие ему мечты и идеалы.

Но грусть Пушкина не имела ничего общего с тем «отречением от всех гуманных чувств», которым было охвачено высшее дворянское общество в обстановке реакции конца 20-х и в 30-е гг. Наоборот, Пушкин в «Евгении Онегине» и последующих своих произведениях является проповедником гуманности. «Он, — как правильно пишет Белинский, — нападает в этом (дворянском, — А. Е.) классе на все, что противоречит гуманности» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. III, стр. 637).

В 30-е гг. Пушкин уже не призывает к мятежу, как это делал он до восстания декабристов. В условиях наступившей черной реакции, когда не было организованной силы, способной на отпор самодержавию, Пушкин считал бунт «бессмысленным».

Пушкин в своем творчестве освещает существенные стороны действительности, без чего, как говорил Ленин, оценивая творчество Л. Толстого, не может быть подлинно великих художественных произведений. Мысль Пушкина прикована к важнейшей проблеме эпохи: к взаимоотношениям помещиков и крепостных крестьян.

Пушкин с исключительной остротой рисует картины народных восстаний, бунт крестьянства против рабовладельцев («Капитанская дочка», «История Пугачева», «Дубровский»). Правда, Пушкин в оценке крепостнической действительности не перешел на сторону другого класса. Ни крестьянство, ни буржуазия в ту пору не в состоянии были проявить себя силой, способной успешно бороться с дворянско-самодержавной Россией Николая I.

Отвергая историческую прогрессивность стихийных крестьянских восстаний, Пушкин признавал, тем не менее, их закономерность; поэт доходил даже до морального оправдания бунтов, отмечая факты несправедливого отношения помещиков к крестьянам.

И не уясняя вполне причин народного движения, Пушкин возвысился до правдивого воспроизведения многих черт вождя крестьянства Пугачева. Писатель с большой долей наблюдательности подчеркнул классовость интересов борющихся сторон:

«Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны» («Общие замечания» к «Истории Пугачева»). По характеристике Пушкина, Пугачев крепко связан с наро-

дом, человек умный, сметливый, исполненный чувства собственного достоинства.

В условиях реакции, наступившей после восстания декабристов, многие из передовых людей дрогнули, некоторые стали раболепствовать перед престолом, другие впали в скептицизм и пессимизм.

Пушкин и в 30-е гг. был верен идеям просветительной философии XVIII в., он никогда не покидал своего «уважения к человеку, как к человеку» (Белинский).

Историческое место Пушкина, нам кажется, правильное всего определил А. И. Герцен, сказав о великом поэте: «Одни думали, что ни к чему не придешь, если оставить Россию на буксире Европы; они полагали свои надежды не на будущее, а на возврат к прошедшему. Другие видели в будущем только несчастье и разорение. Они проклинали убогую цивилизацию и апатичный народ. Душой всех мыслящих людей овладела глубокая грусть».

Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему. Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением» (А. И. Герцен, цит. соч., т. VI, стр. 365).

* * *

Пушкин — народный поэт. Его творчество выражает прогрессивные стремления эпохи, мысли и чувства передовой части общества. Белинский определял творчество Пушкина как «совершенное выражение» своего времени.

Белинский говорил, что публика «видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского «самодержавия, православия и народности» (В. Г. Белинский, Литературно-критические статьи, 1936 г., стр. 274). Подлинно народным критик считал тех писателей, которые являются «великими вождями» своей страны «на пути сознания, развития, прогресса». Оценивая субъективность Лермонтова, выраженную в его стихах, как проявление народности, Белинский говорит, что в грусти поэта каждый узнает свою грусть. Тенденцию отрицательного отношения Лермонтова к действительности критик воспринимает как черту народной поэзии.

Творчество Пушкина отразило дух свободолюбия и про-

свещения, гуманизма, прославления разума. Разум и поэзия органически объединены в представлении Пушкина:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Творчество А. С. Пушкина характеризуется высшим уровнем современного поэту идейного развития и художественной культуры.

Среди критиков Пушкина много было любителей поговорить о дворянской ограниченности, о классовых предрассудках поэта. Но эти критики не учитывали конкретно-исторических особенностей эпохи.

Говоря о роли сословий и классов в освободительном движении России, Ленин писал: «Эпоха крепостная (1827—1846 гг.) — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли разбудить народ» (В. И. Ленин, Соч., 3 изд., т. XVI, стр. 575).

Пушкин принадлежит к тем «лучшим людям» из дворянской среды, которые содействовали пробуждению широких слоев русского народа.

К вопросу о народности писателя надо подходить конкретно-исторически. В эпоху 20—30-х гг. прошлого века передовая часть дворянства выступала против самодержавия за освобождение крестьянства от крепостной зависимости, за прогрессивное развитие своей родины. При отсутствии развитого народного движения в стране дворянские революционеры и Пушкин явились представителями пробудившегося общественного сознания.

В представлении Пушкина дворянство еще не противопоставлялось народу, как это станет в период развитого народного движения в эпоху 60-х гг.

Отсюда и народность революционно-демократических писателей, скажем, Щедрина или Некрасова, будет иная, чем Пушкина, творчество которого связано с движением первого поколения русских революционеров.

В «Исторических замечаниях» 1822 г. Пушкин писал, что «существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян». «Просвещенное дворянство», по мнению Пушкина, является выразителем интересов народа, а народная свобода представляет «неминуемое следствие просвещения». Проблема судьбы «просвещенного дворянства» рассматривалась Пушкиным как проблема страны и

народа в целом: «Желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы».

Пушкин, подобно Н. Тургеневу, «преследуя свой идеал», мог сказать о передовом слое дворянства:

...рабство ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Еще Белинский, характеризуя творчество Пушкина, убедительно доказал, что его народность совмещалась с отстаиванием принципа своего класса, что Пушкин — сын своего времени, выросший в определенной среде и условиях. И в то же время Пушкин — народный поэт, так как его творчество выражало передовые тенденции эпохи и тем самым было поставлено на службу народа; его творчество помогало народу успешнее идти вперед по пути своего освобождения. Поэт был связан с дворянской культурой, но, тем не менее, его творчество в своих истоках было народным. «Народ, его язык, его характер и эпос — вот та почва, в глубину которой уходят корни пушкинского гения» («Правда», 8/VIII 1936 г.).

В своих произведениях Пушкин отразил думы великого русского народа, с его верой в свои силы и могущество своей родины.

«Вслед Радищеву» Пушкин «восславил свободу», «в жестокий век» Пушкин работал над созданием народного искусства, близкого и понятного массам. Он пел и веселые песни, будучи «веры полн», и грустные, глубоко выражающие тяжкий стон народа:

И выстраданный стих, пронзительно унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой...

Пушкин был первым поэтом, связанным с жизненной действительностью как источником художественного творчества. Все стороны жизни нашли в нем своего изобразителя.

Пушкин говорил о достоинстве человека вне зависимости от его социального положения.

Критики очень много говорили о предрассудках поэта, о чванстве его шестисотлетним дворянством. Нам кажется правильным замечание М. Горького: «Не менее вероятно и то, что лично Пушкин вкладывал в понятие дворянства чувство собственного достоинства, сознание своей челове-

ческой ценности и внутренней свободы» («Литературная учеба», 1936 г., № 8, стр. 12).

Пушкин высоко ценил прошлое русского народа. Поэт часто обращался к эпохе Петра I, ко времени Пугачева, говорил о «грозе двенадцатого года» и т. д. Пушкин с большим уважением относился к историческим деятелям России. «Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши сословные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами?»

Устами героини Полины (в «Рославлеве») Пушкин противопоставляет «добрый простой народ» — «светской черни».

Пушкин пролагал пути к демократическому гуманизму. Его любимая героиня Татьяна тяготеет к деревенской глуши, осуждающе говорит о светской жизни как о «постылой». Выражая заветные думы самого Пушкина, Татьяна вспоминает с теплым чувством «бедное жилище», «полку книг», «дикий сад» и «бедную няню».

В представлении Пушкина Степан Разин — «единственное поэтическое лицо в русской истории». В продолжение всей жизни Пушкин испытывал жгучий интерес к народному творчеству. Если в работе над такими ранними произведениями, как поэма «Руслан и Людмила», Пушкина привлекают только художественные особенности устной поэзии, то в период 30-х гг. его произведения оказываются уже в сильнейшей мере насыщенными фольклором. Поэт признавал, что «изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка».

Постоянный и все возрастающий интерес Пушкина к народному творчеству и к языку масс со всей убедительностью говорит о развитии его творчества в направлении демократического реализма.

* * *

Буржуазно-дворянская критика в течение многих десятилетий пыталась из имени Пушкина сделать знамя реакционного «чистого искусства». Великий национальный поэт, дороживший больше всего тем, что к его творчеству «не зарастет народная тропа», под пером разного рода фальсификаторов превращался в незлобивого певца, примирившегося с царизмом.

Рецидивом этих чуждых нам толкований наследства Пушкина прозвучали уже в последние годы работы некоторых критиков.

Совсем в духе реакционной буржуазно-дворянской кри-

тики прошлого века эти современные «литературоведы» договорились до приписывания Пушкину «лакейства» перед царизмом.

Это — чудовищное извращение политического облика Пушкина, прямо противостоящее оценкам революционно-демократической критики и характеристике великого поэта, данной многомиллионным народом СССР.

Реализм Пушкина полнокроен, характеры его типичны и даны в типичных обстоятельствах, которые «заставляют их действовать» («Маркс и Энгельс о литературе», 1933 г., стр. 164).

Доказывать тезис, что Пушкин был реалистом, значит ломиться в открытую дверь. И тем не менее... приходится доказывать. В канун 100-летнего юбилея А. С. Пушкина в авторитетном издании выходят статьи, отрицающие пушкинский реализм. Во «Временнике Пушкинской комиссии» (т. 2, 1936 г., изд. Академии наук) читаем: «Хронологическое сосуществование «Онегина» с «Бахчисарайским фонтаном», с «Цыганами», с «Полтавой», с элегиями 20-х гг. свидетельствует о том, что в годы основной работы над «Онегиным» у Пушкина еще не было реалистической концепции, объемлющей действительность в целом» (стр. 395).

Другой литературовед хотя и признает реализм великого поэта, но грубо извращает его характерные черты, рассматривая его как «реализм примирения с окружающим».

Этот автор пишет о Пушкине: «Вся его новая ориентация на «ход вещей», на постепенное развитие «просвещения» толкала его на внимание к «смирненной прозе» жизни. К этому присоединилось и личное соприкосновение с «мещанскими» заботами, с нищим бытом, со всей неприглядной действительностью уездного российского существования» («Литературное наследство», 16—18, 1934 г., стр. 86). Но если бы «ход вещей» был иным, разве тогда Пушкин не мог бы ориентироваться на изображение демократических картин жизни? Положение литературоведа о том, что поэт стал реалистом поневоле, в силу якобы «поворота Пушкина на сторону феодально-крепостнической государственности», явно несостоятельно. При победе декабристов, если бы восторжествовали конституционные принципы «либералистов», Пушкин был бы тоже реалистом, проза его тоже ориентировалась бы на изображение демократических картин жизни, но тогда она приняла бы не «смирненный» характер, а более боевой, еще более действенный. Эволюция Пушкина в упомянутой работе рассматривается изоли-

рованно от общей ситуации изменившейся исторической обстановки в 30-е гг. по сравнению с периодом 20-х гг. Поэтому делается и неправильный вывод: «Он кончает тем, что капитулирует перед феодально-крепостнической государственностью» (там же, стр. 88).

Основной тезис данной работы о реализме Пушкина страшно обедняет наследство великого поэта: «Реализм может быть критическим (вырастающим из стремления переделать действительность, предъявляющим ей конкретный «счет»), но может быть и реализмом компромисса, реализмом, ориентирующимся на господствующий строй. У Пушкина мы имеем как раз последнее» (стр. 88—89). Чем эта точка зрения отличается от реакционной легенды «благонамереннейшего» В. А. Жуковского, утверждавшего, что будто бы перед смертью Пушкин заявил: «Я был бы весь его», то есть царя Николая I. Эта легенда Жуковского давно уже разоблачена исследованиями Щеголева, а литературоведы в наше время ее повторяют, подкрепляя мнимонаучными аргументами.

Как после такого «толкования» Пушкина не присоединиться к голосу массовых читателей из Донбасса А. Межова и О. Григорука, которые обратились к председателю СНК тов. В. М. Молотову с просьбой «вступить за А. С. Пушкина».

Реализм Пушкина передает действительный смысл изображаемого, располагая явления в правильной исторической перспективе. Этому принципу Пушкин следовал не только в обрисовке крупных черт характерного, но и в каждом отдельном штрихе. Интересный факт можно привести из «Капитанской дочки». В «Пропущенной главе» Пушкин пишет, что Гринев встречает плот, плывущий по Волге, с тройной виселицей, на которой повешены старый чуваш, заводской рабочий и крепостной крестьянин. «Только в наши дни, как правильно замечает Д. Благой, исследователи с изумлением распознали, что в этом, как будто бы случайном, образе Пушкин пластично показал массовых союзников Пугачева—основные движущие силы крестьянской революции XVIII в.» («Литературная учеба», 1935 г., № 1, стр. 36).

* * *

Впервые верную характеристику художественного наследства Пушкина дали критики революционно-демократического направления: Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов.

Чернышевский определил настолько ярко и верно историческую роль Пушкина, что его оценка остается в силе и к дням столетней годовщины великого поэта. «Через него разлилось литературное образование на десятки тысяч людей, между тем как до него литературные интересы занимали немногих. Он первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела, между тем как прежде она была, по удачному заглавию одного из старинных журналов, «приятным и полезным препровождением времени» для тесного кружка дилетантов. Он был первым поэтом, который стал в глазах всей русской публики на то высокое место, какое должен занимать в своей стране великий писатель. Вся возможность дальнейшего развития русской литературы была приготовлена и отчасти еще готовится Пушкиным» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., изд. 1906 г., стр. 290—291).

В глазах Чернышевского Пушкин был поэтом, требовавшим «мыслей», глубокого содержания. Резко осуждая современную дворянскую поэзию, подчеркивая ее увлечение «наружными формами слова», высмеивая «эстетическую водяную болезнь» современных ему литераторов, Чернышевский возвышал Пушкина и принципы его творчества. Он говорил, что Пушкин стоял неизмеримо выше своих современников, что «во сто раз больше содержания у Пушкина, нежели у его сподвижников, взятых вместе».

Добролюбов старался показать в Гоголе преемника и продолжателя Пушкина, подчеркивая мысль, что Пушкин до конца жизни был поэтом социальным, интересовавшимся действительностью. Революционно-демократическая критика отмечала, что Пушкин первый стал описывать русские нравы и жизнь народа с большой верностью и правдивостью. Добролюбов дал изумительную характеристику Пушкина как поэта, который «обратил» силы народа на такие вопросы, которые он должен разрешить. Этой формулировкой намечалось установление преемственности последующей литературы с творчеством Пушкина. Чернышевский и Добролюбов видели исключительное значение и роль пушкинского наследия в формировании художественной литературы последующего периода.

Заложенные в творчестве Пушкина черты верного изображения современной поэту жизни в России и моменты критического отношения к ней импонировали великим критикам-демократам.

Ориентация Пушкина на демократическую тематику, со-

чувственное отношение к обездоленным и угнетенным предвосхищают пути дальнейшего развития русской реалистической литературы. Настойчивый интерес Пушкина к взаимоотношениям помещиков и крестьян, отразившийся в ряде его произведений 30-х гг., связывает поэта с демократической литературой шестидесятников.

В последние годы своей жизни Пушкин протягивает руку молодому Белинскому, решая привлечь его к участию в «Современнике» против воли своих сотрудников. Преждевременная смерть поэта помешала осуществлению намечавшегося сотрудничества Пушкина с великим критиком.

Истинными наследниками Пушкина в эпоху 60-х гг. были поэты и писатели революционно-демократического направления.

Ленин говорил, что хранить наследство вовсе еще не значит ограничиваться наследством. Щедрин и Некрасов развивали принципы пушкинского реализма в новых условиях. В наследстве Пушкина Щедрин подчеркивал «стремление к общечеловеческим идеалам, на которые тогдашняя управа благочиния смотрела и смотрит одинаково неприязненно» («Письма к тетеньке»). В творчестве гениального сатирика получили свое дальнейшее развитие черты критического реализма, содержащиеся в наследии Пушкина. Легко установить родство и связи между «Историей села Горюхина» и «Историей одного города». Щедрин восставал против того эстетского понимания Пушкина, какое давалось поэту дворянскими литераторами в эпоху жизни великого сатирика. Он также высмеивал то мелочное и крохоборческое изучение наследства великого поэта, когда за мертвой буквой исчезает живое содержание творчества Пушкина.

В 1-й главе «Современной идиллии» Щедрин так изобразил собрание библиографов, на котором обсуждалось стихотворение Пушкина «Черная шаль»:

«При мне «Черную шаль» Пушкина библиографической разработке подвергли. Они, брат, ее в двух томах с комментариями хотят издавать... При мне, в течение трех часов только два первые стиха отработали. Вот видишь, обыкновенно мы так читаем:

Гляжу я безмольно на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль...

А у Слёнина (1831 г. in 8-vo) последний стих так напечатан:

И гладную душу дерзает печаль...

Вот они и остановились в недоумении. Три партии об-
разовались...»

В поэзии великим преемником Пушкина в эпоху 50—60-х гг. выступил Некрасов, развивавший в новых условиях ведущие черты пушкинской поэзии: идейность, народность, реализм, простоту и ясность выражения чувств и мыслей.

Поколение революционеров-демократов связано уже с иной эпохой, чем та, в которой жил Пушкин. О шестидесятниках, по сравнению с дворянскими революционерами, Ленин говорил: «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом» (В. И. Ленин, Соч., 3-е изд., т. XV, стр. 468).

Появление нового направления в русской поэзии, главой которого является Некрасов, было исторически обусловлено выходом на публичную арену новых общественных групп, появлением новых читателей с иными требованиями к литературе.

Новый поэт, удовлетворяющий запросы изменившегося читателя, пришел не вдруг. Был период «безвластия» в литературе, чутко подмеченный Некрасовым:

Тогда все глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла...
В бореньи пошлых мелочей
Она, погрязнув, поглупела...
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время, как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распевала.

Некрасов воспринимает Пушкина как предшественника, как гуманиста, как своего учителя. О Пушкине, авторе «Вольности», Некрасов писал:

Хотите знать, что я читал? Есть ода
У Пушкина. Название ей: «Свобода».

Именно Некрасов в русской поэзии явился продолжателем и наследником Пушкина, а не Фет и не А. Майков, которым в эпоху, когда «в родном краю открыто зло торжествовало», «до общества, до жизни» «не было и дела».

Пушкин и Некрасов — поэты разных эпох, иных социальных условий, они оба шли в авангарде своего времени. Если Пушкин был другом революционеров-декабристов и его политическая лирика сыграла огромную роль в распространении их идей, то Некрасов был другом революционеров — «мужицких демократов» Чернышевского, Добролюбова, М. Л. Михайлова — и пропагандировал идеи народной революции. Пушкин в «Дубровском» и «Капитанской дочке» изобразил крестьянский бунт, Некрасов тему крестьянской революции делает ведущей во всем своем творчестве. Пушкин говорил: «Где гражданин с душою благородной», Некрасов неустанно заявлял: «Будь гражданин», «Гражданином быть обязан».

Большая степень политической зрелости и социальной остроты в творчестве Некрасова объяснялась эпохой, возросшей классовой борьбой и т. д.

Многочисленно критиками отмечались в творчестве Пушкина картины, где «предчувствуется реализм Некрасова» (акад. Александр Веселовский, «Пушкин национальный поэт», 1912 г., стр. 10).

Как бы в некрасовском духе дана Пушкиным зарисовка болдинских впечатлений:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? Где темные леса,
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца... и т. д.

Пушкин проникся той грустной мелодией народной песни, которая была непосредственным отражением подневольной народной жизни и которая с таким блеском нашла свое выражение в творчестве гениального поэта крестьянской демократии Некрасова. Начало и здесь было положено Пушкиным:

...— всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская...
...Печалию согрета
Гармония я наших муз, и дев.
Но нравятся их жалобный напев.

Политическая и обличительная лирика Некрасова родственна поэзии Пушкина. Общим источником их поэзии была ненависть к деспотии, к крепостничеству; для обоих характерно прославление свободы и революционных борцов.

Творчество поэтов было источником нравственного воспитания людей. И тот и другой мечтали о счастье для всех, связанном с завоеванием народной свободы. Оба поэта соединяли глубокую гражданственность с замечательным поэтическим мастерством.

Говоря об общих мотивах и связях двух вершинных поэтов XIX в., Пушкина и Некрасова, существенно важно заметить, что здесь было не столько влияние одного поэта на другого, сколько конгениальное созвучие их вдохновенных лир.

Близок и дорог Пушкин поэтам нашей эпохи. На юбилейном пленуме (февраль 1937 г.) советские поэты единодушно признали благотворное влияние Пушкина на их творчество. Пушкинский язык может помочь советским поэтам отобразить реальное содержание новой жизни, созданной Великой Октябрьской социалистической революцией. Выражая мнение поэтов, Н. Тихонов в своем докладе заявил: «Пушкинские дороги еще далеко не исторический тупик, а ходить по ним можно широкому советскому народу» («Литературная газета», 1937 г., 1 марта).

* * *

Наследство Пушкина оказывается живым и на сегодняшний день. Борьба с обскурантизмом, с угнетением, с эксплуатацией человека человеком, — за идеи гуманности, за свободу составляет первоочередную задачу современного передового человечества.

Пушкин был бессилен перед всемогущим николаевским деспотизмом, поэтому судьба его была трагична: он погиб в неравной схватке. Но его творчество, насыщенное идеями гуманности, независимости человеческой личности, живет. Пушкин оказался ранним провозвестником идеалов последующих поколений. Радостная и жизнеутверждающая поэзия Пушкина в наше время становится средством воспитания подлинной человечности.

Многочисленные отзывы советских читателей говорят об этом со всей очевидностью. Бывший красный пар-

тизан Г. М. Свитко (Азово-Черноморский край) пишет: «Теперь же, когда жить стало лучше, жить стало веселее, нам веселая поэзия Пушкина стала милой и ценной, как никому и никогда». Красноармеец-артиллерист Н. П. Дрызлов (г. Калинин): «Мы обращаемся к Пушкину тем чаще, чем счастливей стала наша жизнь. Он помогает нам строить коммунистическое общество». Н. Н. Белых (Старый Оскол, Курской обл.): «Пушкин несет нам такую правду, в которой даже его классовая позиция не заслоняет собою действительной жизни. Он становится властителем наших порывов к красоте, к полнокровной человеческой жизни, к настоящей любви». Одна работница «Тиняковки» сказала: «Пушкин, конечно, пролетарский поэт». Когда рабочие стали смеяться, она обиделась и объяснила: «Я знаю, что Пушкин был дворянин. Я сказала «пролетарский» в том смысле, что он дорог нам, он только нам может открываться целиком, со всей своей красотой и со всею ненавистью к царю. Вот этим он и наш, пролетарский» («Известия», 1937 г., № 4).

Любовь миллионов социалистической страны к Пушкину является тем величественным «нерукотворным» памятником, о котором мечтал гениальный народный поэт.

ТРУДЫ МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ
И ЛИТЕРАТУРЫ имени Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ПУШКИН

СБОРНИК СТАТЕЙ

под редакцией проф. А. Еголина

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественной литературы
МОСКВА 1941